

Марфа Московская

Собачий Сын

Мистика и Приключения

Марфа Московская

**Собачий сын. Мистика
и приключения**

«Издательские решения»

Московская М.

Собачий сын. Мистика и приключения / М. Московская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850868-4

Очень жизненные мистические истории для взрослых. Написанные живым русским языком, с неизменным чувством юмора, увлекательные и часто драматические сюжеты окунут читателя в загадочный мир души человека и окружающего нас мира, не всегда видимого. Вас ждет городская жизнь, чудным образом перемешанная с мистикой, и глухие дебри лесов, которые внезапно откроют дверь в сказку... Сказка эта живыми узами переплетена с жесткой реальностью, а часть сюжетов взята из настоящих событий или сновидений автора.

ISBN 978-5-44-850868-4

© Московская М.
© Издательские решения

Содержание

Ангел Серый	6
Странная женщина	27
Куда уехал цирк	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Собачий сын

Мистика и приключения

Марфа Московская

Дизайнер обложки Марфа Московская

Иллюстратор Марфа Московская

© Марфа Московская, 2017

© Марфа Московская, дизайн обложки, 2017

© Марфа Московская, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0868-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел Серый

Посвящаю своим друзьям

...Жилец девятого этажа блочного дома постройки семидесятых, подполковник в отставке Щукин обнаружил ее совершенно случайно. Вышел ранним утром на площадку покурить: жена, не переносившая дыма, нещадно гнала из квартиры! – и увидел прямо под ногами амбарный замок. Люк, ведущий на крышу, был открыт настежь.

Надо сказать, люк этот он видел открытым всего лишь раз за многолетнюю историю проживания здесь. Год назад рабочие меняли битум на крыше, и целую неделю сто восемьдесят квартир матерились от непрерывного грохота и вони. Затем люк снова заперли. Щукин с подозрением осмотрел местность, вернулся в квартиру, надел рубашку, взвесил в руке топорик для разделки мяса и вернулся на площадку. О шайке воров, орудующей в микрорайоне, говорили давно; скорее всего, это они лазили на крышу.

С трудом поднявшись по хлипкой железной лесенке наверх, Щукин вдруг опьянел от внезапно нахлынувшего свежего воздуха, чириканья и курлыкканья, ласковых лучей июльского солнышка... На крыше неторопливо текла своя жизнь – тихая, отрешенная и безлюдная. Скусающий ветерок тут же осторожно взлохматил седины подполковника, словно приглашая поиграть. Тот, щурясь, постоял с минуту, но все же заставил себя собраться, напряжиться... и даже собственный шаг показался ему кошачьим, а слух и взор сурово обострились. Он нагнулся и осторожно двинулся вперед, но не успел пройти и двадцати шагов, как увидел ЕЕ...

Винтовка с глушителем мирно стояла у парапета, аккуратно прислоненная, словно хозяин отошел в туалет. Рядом валялась гильза.

«Девять миллиметров», – автоматически определил Щукин, – «Наверное, ночью кого —то прикончили... Господи!...» – он на всякий случай неумело перекрестился и оглянулся с опаской. Но на крыше никого не было, из живого лишь мирно торчали голуби, налипшие на вентиляционных шахтах.

Вообще—то, по натуре Николай Щукин был пацифистом, и уже плохо помнил, как и зачем стал военным. В юности ничем особенно не увлекался, кроме, пожалуй, радио. Как и большинство сверстников, рос раздолбаем, однажды попался за мелкую кражу, но был отпущен, избит отцом и зарекся. После армии пытался поступать в МЭИС, однако провалил математику, а тут приятель зазвал в училище, делать было нечего...

Но молодость вместо сабельного похода бросила его, мужика мирного, в снабженцы, и в основном ошивался он при складах и канцеляриях, а бои выдерживал матерно—словесные. Позже судьба ухмыльнулась, и оказался Шукин на военной кафедре Московского института связи, где дослужился до старшего преподавателя. Глотка его стала зычной, мысли – правильными, а брюхо – большим. Студенты, как водится, считали его идиотом, и жизнь текла себе неторопливо...

В институте Шукин, тогда еще майор, познакомился с девушкой Машей из секретариата. Маша казалась тихой, незаметной; незаметно управляла мужем и по сей день...

Хорошее знакомство с оружием сослужило добрую службу. Подполковник без опаски, скорее даже – с любопытством и симпатией – начал рассматривать грозную убийцу, не касаясь ее руками. Сигарета во рту завяла, но он позабыл о ней, глаза его горели, словно у мальчишки, неожиданно нашедшего на помойке игрушку своей мечты. От винтовки мужественно пахло железом и порохом, и этот запах сводил с ума.

Первая мысль: спуститься и позвонить в милицию – быстро испарилась в горячей волне возбуждения. Ну, жалко было отдавать ТАКУЮ вещь!... По—человечески, по—мужски... Все равно, что клад государству отдать, елы—палы.

Дальше все происходило на уровне инстинктов: Шукин легко отсоединил приклад, поспешно содрал с себя рубашку и завернул в нее обе части; гильзу положил карман штанов. Затем, крадучись, стал спускаться вниз. На площадке никого не было; подполковник быстро прошмыгнул в квартиру и заперся в туалете. Безумно хотелось еще курить, но запах дыма привлек бы внимание жены, пришлось воздержаться. Гильзу Шукин бросил в унитаз и протолкнул подальше ершом; затем принялся рассматривать свою смертоносную находку...

Хороша игрушка, что говорить! Приклад костью, из пластика, глушак длиннющий, магазин штук на двадцать патронов... Видно, что переделана из автомата. Взвесил в руке – кило три всего, как банка огурцов. Легкая, зараза, наверное, отдача большая. Название винтовки всплыло быстро – «вээска», снайперская штучка, может и очередь палить... Достаточно бесшумная, чтобы выстрел не был распознан обывательским ухом, и пламегаситель приличный. Такая игрушечка днем бьет в очко метров на четыреста, а ночью все двести, наверняка... Хороших денег, поди, на черном рынке стоит... Если еще глушитель отвернуть, так вообще влезет в «дипломат». Странно, что бросили... Может, спугнул кто, или киллер предпочел не рисковать? Видно, жертва стоила куда дороже...

Эх.

Подполковник приблизил любопытный глаз к черному наглазнику прицела – круто! С крыши до любой точки двора – сотни полторы метров, в человека попасть плевое дело, даже чайнику... Винтовка была профессиональной убийцей. Шукин нежно погладил холодный магазин и заметил с удивлением, что рука его чуть подрагивает. Магазин был наполовину пуст, в нем оказалось ровно девять новеньких, гладких патронов.

«Девять.»

Подозрительное число какое—то. А—а, девять жизней, замечательно! Но еще что—то было, точно... «Девять граммов в сердце... Постой... Тра—ля—ля...» Больше умного ничего не смог вспомнить. Да и хрен с ним.

Хозяин аккуратно прищелкнул коробку на место и глубоко задумался...

Отдавать винтовку не хотелось. Он любил хорошее оружие. Да и не видал его никто, вроде. Все чисто. С другой стороны, попасть в места отдаленные не хотелось тоже. А что, если спрятать ее где—нибудь и изредка навещать—любоваться? Самое место ей – на даче, в погребе. Может, и стрельнуть когда доведется, хоть по пластиковым бутылкам... Счастье еще, что она к нему в руки попала, а не какому—нибудь дуrolому или шизуку. Где гарантия,

что ее не украдут или не продадут бандюкам на сторону, если вернуть милиции? Ведь попала она к убийце как-то! И опять станет чьей—то смертью...

Щукин решил дать себе еще немного времени на размышления. Пусть уж эмоции улягутся! Если сдавать, то завтра. Скажет, унес с крыши, чтобы дети не наткнулись, а потом срочно уехал. Нет, глупо выходит...

– ...Коля, ты там надолго? – обыденный голос жены вернул подполковника к реальности. Он что—то пробурчал, шурша рулоном, и стал лихорадочно обдумывать, как вынести находку из туалета незамеченной. Не придумав ничего, рывкнул, чтоб не мешала нужда справляться, и жена оторопело покинула коридор; вскоре раздался обиженный звон посуды.

Пока благоверная шуршала на кухне, Щукин открыл дверь и быстро проскочил в комнату. Куда? Под кровать? Нет, Маша начнет убираться – найдет. В шкаф? Без мазы... Разве что в сейф... Ключ есть только у него; да, пожалуй, это самое надежное место!

Потая, он с трудом протиснулся под стол и вытащил гробом лежащий там железный ящик, в котором, согласно инструкции, хранилось старое охотничье ружье. Открыв его, подполковник попытался быстро втиснуть туда находку – однако гостя не лезла ни в какую. Пришлось вытащить почтенную тулячку и отсоединить прицел – только после этого винтовка уместилась в мягком ложе из тряпок.

Едва Щукин успел повернуть ключ в замке, как вернулась из кухни супруга. Она с изумлением увидела ружейные части, в беспорядке валяющиеся на плюшевом покрывале.

– Вот... Почистить решил, – сказал Щукин и потупился, оглаживая старую ореховую ложу. – И вообще, мать – сколько можно ему в ящике—то париться? Над кроватью теперь пусть висит, глаз радуется...

– Коль, ты же сам говорил, что нельзя.

– Ничего... Чужие сюда не ходят, а свои не выдадут! – он неожиданно весело подмигнул ей и стал собирать ружье. Сочно щелкнуло цевье, заставив Машину сердце отчего—то вздрогнуть.

– Чего боишься? К нему патронов—то уже давно нет, все отдал! Пойду к соседу за дрелью... – Щукин оценивающе взглянул на стену. – Надо пробку потолще выстругать... Зато красота какая будет, а? Мать? Рога лося еще повесим.

«Сам ты лось!...» – беззлобно подумала жена, но промолчала. По части ружейных дел она предпочитала с мужем не спорить, да и известие об отсутствии в квартире патронов успокоило женскую душу.

Выйдя на площадку, Щукин хлопнул себя по лбу – забыл на крыше топорик! И бегом – туда, одышка прихватила; но успел, слава Богу. Надо быть осторожней! И вообще... Хоть и доверял он жене, но о сегодняшнем решил промолчать. Во—первых, у Маши и так с нервами не в порядке, она периодически лечится, целыми неделями иногда на таблетках... У ее отца в молодости тоже были проблемы, а после войны его поразила болезнь Паркинсона, и Щукин побаивался дурной наследственности, а что все болезни от нервов – и ежу понятно. Как бы то ни было, лучше не рисковать... А во—вторых, знал уже, что понимания не будет. Будет скандал и паленое оружие придется сдать.

Маша жалела мужа. Как ни готовился к пенсии, а все ж ударила она пребольно, поддых. Мужик должен быть всегда чем—то занят, иначе быть беде... Пыталась приручить его к Слову Божьему, но вся эта мышьяная возня не нравилась отставному военному, нестарому еще мужчине. Два года уже, как маялся он от безделья и тосковал. Но чем тут поможешь?...

Друзья подарили им овчаренка, однако очень скоро тот сдох от чумки. Чета сильно переживала смерть малыша, и животных решено было больше не заводить. Правда, Маше врач посоветовал аквариум завести, на рыб смотреть, чтоб нервы успокаивать. Долго мучились,

но все же решились – все хоть что—то живое движется... Много есть не просит, не гадит, и не шумит, да и полезно. Поехали на рынок, сначала хотели стайку маленьких цветных рыбок, но Николай настоял на паре крупных, полосатых, как кабанчики – все как—то солиднее, без мельтешения...

От одиночества спасали старая верная «Волга», книги, телевизор, прогулки, нечастые теперь встречи с близкими людьми... Раньше супруг увлекался охотой – втянули те же друзья – потом огрузневшему майору стало тяжело бороздить луга и перелески в поисках зайцев и тетеревов, да и зрение вдруг подводить стало. Памятью осталось ружье с приятными словами на ложе, подарок институтского начальства к сорокалетию – за достойное несение службы.

Еще была дача, которую Щукины строили долго и терпеливо. Дом был чисто деревянный, пахучий – привезли здоровенный сруб из Твери, сто лет еще сносу ему не будет. Остальное доделывали сами, не один год. На участке ничего не выращивали, просто отдыхали там, хороших людей приглашали в баньку. В прошлом году Маша затеяла какие—то каменные сады со мхом, заставила мужа привезти целую грудку валунов, да еще трубу провести так, чтобы был фонтанчик. Подполковник ворчал, но делал все, что скажут – а по-иному и быть не могло.

Детей у Щукиных не было, и надеялись они только друг на друга, поддерживали, как могли; хоть и шипели иногда, но по—крупному не ссорились. Николай всегда полностью доверял жене – человеком она была трезвым и рассудительным; хоть и набожным в последние годы. Со скуки ли, от депрессий – все едино; он не очень—то верил в искренность ее увлечения, протестовал внутренне, однако помалкивал. Сам Щукин был не крещеным, и убежденным атеистом, хотя Бога по привычке поминал всуе.

Днем началась отработка жилого сектора. По подъездам шарились опера, расспрашивали. Лазили на крышу щукинского дома, но, конечно, ничего не нашли. Соседи всюю обсуждали новость: около полудня в торцевом доме обнаружили мертвого мужчину, с дыркой в голове. Убитый оказался каким—то большим авторитетом, снимавшим здесь одну из квартир. Стреляли ночью, через открытый балкон – июльская жара не оставила бандиту шансов, и не было даже звона стекла, чтобы взбудоражить соседей.

Дом, в котором жил Щукин, шерстили по полной программе, но никто, как всегда, ни черта не слышал и не видел. Супруги пообещали позвонить, если вспомнят чего—нибудь подозрительное. Говорила в основном жена, подполковник согласно молчал, с равнодушным взглядом. Когда сыщик ушел, он понял, что лучше уже не рыпаться, повесят еще на него убийство... И зачем он связался с этой проклятой винтовкой?!

К вечеру искурил пачку, за что получил мощный втык, ночью спал плохо – кашлял, снились кошмары: какой—то мужик с крыльями, типа ангела, но серый, с красным носом; что—то силился сказать ему, однако лишь безмолвно открывал рот, как полудохлый карп. Только после того, как Щукин встал и отлил, кошмар исчез.

На следующую ночь тоже выспаться не пришлось – истошно выла сигнализация, заставляя звереть сонный мозг. Эхо машинного вопля многократно усиливалось бетонным каре домов, изводя жильцов всего микрорайона. Маша приняла снотворное, Щукин же беспокойно ворочался, выходил на балкон, курил, безнадежно вглядываясь в темень двора и посылая туда резко матерные мысли. Под утро стерва стихла, дав людям немного поспать.

Еще одна ночь прошла спокойно, но через сутки все повторилось.

– Коль, давай вызовем милицию. Надо же что—то делать!

– Ну, а что они сделают? Они прав никаких не имеют. Ладно, мать, спи! – увещевал Щукин распалившуюся половину, – Завтра выходной, схожу и разберусь, чья тачка...

Наутро подполковник вырядился в мундир и отправился искать хозяина. Машину нашел почти сразу, это был старый «БМВ» с выжившей из ума сигнализацией. Навели обозленные

пенсионерки, лавочные тусовщицы; они же поведали Шукину, что хозяин здесь не живет, приезжает иногда к какой—то бабе из девятой квартиры, на третьем этаже. Хорошо, если бы с ним разобрались по—мужски – с надеждой добавили они, уважительно поглядывая на погоны Шукина.

Дверь квартиры неохотно приоткрылась, выпустив волну радиопансона. Сонную брюнетку оттеснил молодой румяный бугай в шортах и майке. Он недовольно почесал пах и спросил, чего надо.

– Это ваша машина по ночам орет? – подполковник взял быка за рога, показывая, что долго лясы точить не намерен.

Парень подумал и кивнул, но безо всякого смущения.

– Моя. И чё?

– А то, что вы людям спать уже которую ночь не даете! Может, примете меры? Или хотя бы переставите? – казенно изрек Шукин и сам удивился своей дубовости. Потому что неожиданно понял, что ничего не добьется. Что сказать—то? Что в милицию пожалуется? Или в морду даст? Смешно... Конечно, можно попробовать съездить в челюсть, но парень—то молодой и здоровенный, скотина, перевес явно на его стороне.

– Где хочу, там и ставлю, – спокойно сказал мужик, не двигаясь с места.

Шукин посмотрел куда—то ему в ноги, заросшие рыжеватой проволокой, промямлил «извините» и стал спускаться вниз. Слышно было, как бугай хмыкнул и захлопнул дверь.

«Старею.»

...Всю ночь тачка орала с небольшими перерывами, реагируя на толпы привидений, пролетавших мимо... Жена уже не просила ничего сделать, тихо мучилась, отвернувшись к стене; потом, наконец, заснула.

Подполковник не спал.

Мысль уже созрела в его голове, он только ждал, чутко прислушиваясь, когда уравниется дыхание жены... Таблетка не быстро, но сделала свое дело. В три часа ночи супруг выскользнул из—под одеяла и полез под стол, стараясь ничем не звякнуть.

Все—таки звякнул. Маша со стоном повернула голову, не открывая глаз.

– Мм—м?

– Курну пойду, не спится.

– Ммм...

Тихо, босиком, Шукин прокрался по ковру к балкону, открыл дверь и аккуратно затворил за собой.

Клац—клац... быстро собирается, супер... Так, одиночная, предохранитель... Черт, ничего не видно.

Красная коллиматорная точка потыкалась в тусклый бок «БМВ» и остановилась прямо на крышке бензобака. Между чужим домом и машиной стояла трансформаторная будка – удача была на стороне подполковника. По крайней мере, хоть стекла соседнем доме останутся целыми...

Промаяхнуться никак нельзя, Маша может услышать выстрел, каким бы тихим он не был. Или лязг затвора... Надо чуть ниже, в самый бак... Интересно, какая крутизна – с таким коротким рылом наверняка большая, да и пуля тяжелее обычной... Наверное, ниже не надо. А вдруг не получится, как в боевике?... Ладно, с Богом.

Задержав на секунду дыхание, Шукин закаменел, прижимая костыль к плечу. Помнить – сильная отдача!... Сейчас... Нет, надо дождаться хоть какого—то звука.

Руки Николая вспотели, но он не рискнул нажать спусковой крючок, пока где—то высоко во тьме не загудел самолет. Винтовка коротко вякнула, стукнув в предплечье... Шукин сразу же поставил ее за шкафчик с автокосметикой.

Ровно через секунду страшный грохот потряс микрорайон. Столб огня метнулся вверх, подбрасывая то, во что превратилось несчастное авто... Завыли, заплакали железные соседки по всей округе. Облокотившись на перила, Шукин наблюдал, как в домах стали быстро зажигаться окна – словно начинался какой-то праздник. Потом открыл балконную дверь и шагнул в комнату.

– Ой... Что, Коля?! – это проснулась жена. Голова ее была похожа на гнездо.

– Мань, не в курсе. Похоже, тачку подожгли. Я сейчас в пожарку позвоню... – Шукин взял трубку.

– Ужас какой! – прошептала Маша, подходя к окну. Отблески пламени, пробиваясь через тюль, весело скакали по стене комнаты, по сонному лицу женщины, ее белой рубашке. Она несколько минут завороченно смотрела на маленький пожарчик, потом зрелище утеряло прелесть и Маша вернулась к смятому, еще теплomu лежбищу. Довольно скоро раздался звук сирены; Шукин удовлетворенно заскрипел кроватью, укладываясь, жена прильнула к надежному плечу, чувствуя себя немного испуганной. Боже, в какое время мы живем!

Люди в окнах некоторое время потаращились на происшествие, потом ночь взяла свое. Никто еще не понял, что вдруг прекратились заунывные вопли «БМВ» и наступила тишина...

Подполковник лежал с закрытыми глазами, но сон не шел. Жалел, что засветился бугаю. Но кто ж мог предположить дальнейший ход событий?!... Черт попутал, не иначе.

Утром, пока Маша мылась в ванной, Шукин быстро расчленил винтовку и вновь закрыл в ящике. На душе было беспокойно, но сладкое чувство удовлетворения утопило совестливые попискивания. В конце концов, он никого не убил, а весь микрорайон только вздохнул с облегчением. Бугай себе новую купит, и трижды подумает еще, прежде чем сюда приезжать, скотина...

Со дня на день подполковник ожидал неприятностей, нервничал, однако пронесло. Мало ли ушлого народу могло окрыситься на машинный ор? Есть и покруче во дворе, чем вояка в отставке...

Пожалуй, можно расслабиться.

Через месяц Шукин отвез жену под Тверь, в деревню к матери. Предоставленный сам себе, он наслаждался свободой, хотя и скучал по вкусным блюдам и той уютной теплоте в доме, которую умела создавать только Маша. Занялся делом – Волгуша давно и укоризненно вопила пятнами ржавчины. Возиться с машиной он любил и умел, руки – то росли из нужного места. Целую неделю, не торопясь, подполковник шкурил и грунтовал больные места, вдыхая вкусный запах нагретого августом металла. Старушка много лет жила на улице под открытым небом, «пионеры» не очень лютовали в этих местах; да и красть – то особо с нее было нечего, а угонять – тем более. Кому нужно такое старье?... Хотя простенькую сигнализацию Николай все же поставил – береженого Бог бережет.

Сегодня, работая над задним крылом, Шукин неожиданно почувствовал, что на него смотрят. Сделал вид, что не заметил; затянувшись, осторожно скосил зрачки – коренастый хмырь, жуя фильтр, наблюдал за ним, потом сплюнул бычком и неожиданно быстро ушел, исчезнув среди дворовых зарослей и «ракушек».

Когда – то зоркий глаз военного не запомнил лица, лишь очки черные, пеструю открытую рубашку и низкий рост. Возросшая подозрительность последних дней заставила его подойти и поднять окурки. «Парламент»... Тьфу, слюнявый. Неужели пасут?...

Происшествие очень не понравилось Шукину. Конечно, может, ему все померещилось. И парень тот смотрел не на него вовсе. Кому он нужен? Но сердце было не на месте почему – то. Видать, детина из девятой квартиры не так уж прост оказался, заподозрил что – то, сукин кот, вот и заслал свою шестерку...

За себя подполковник почему – то не боялся, а вот машине навредить могут. Око за око.

Ночью решил покараулить Волгушу с балкона. А если что – и пугануть недолго... Хотя пулять чревато, выстрела все равно не слышно, а в небо палить – какой толк? Эта винтовка хороша на поражение... Однако Щукин все же решил взять ее «на дело», так оно было приятней и спокойней.

Весь вечер он пытался заснуть, готовясь к ночному дозору, но так и не смог – нервы. Запасся куревом, сладким чаем; оделся в темный тренировочный костюм. Хотел еще лицо черным намазать, но, подумав, плюнул – голливуд какой—то получается. Лучше физию вообще не высовывать, на балконе есть щель здоровенная, вот оттуда и будет следить.

Ближе к полуночи, покормив рыб и подкрепившись, Щукин удобно устроился на туристском коврикe и приготовился терпеливо ждать. Рядом положил мощный фонарь—прожектор и милицейский свисток – этого достаточно, чтобы спугнуть гостей. Он не сомневался, что они придут уже сегодня, подсказывала интуиция. Волгуша хорошо просматривалась с девятого этажа, она стояла прямо под балконом – ни одна муха не пролетела бы мимо бдительного ока подполковника. Осталось лишь порадоваться, что Маши нет дома.

В висках постукивало...

...Если затаиться и прислушаться к окружающему тебя сумраку, кажется, что летишь в ночном эфире; музыка, голоса, далекий лай – все это мечется вокруг тебя рваными кусками в бетонном коробе двора, сплетается и распадается в бестолковой гармонии хаоса... Интересно, а если бы не было всех этих звуков? Тогда город стал бы мертвым... Уж мертвых—то деревень довелось навидаться, а города – нет, не видел ни разу. Видел кладбища машин, кораблей. А город... страшное, наверное, зрелище.

Но этот город еще жив, благодаря летающим вокруг звукам. В юности Щукин увлекался радиотехникой, переговаривался с такими же любителями, засорял волну. Сигналы шипели, появлялись и пропадали; сейчас было очень похоже...

С ближнего леса потянуло свежестью. Неожиданно прямо перед носом раздался характерный свист – две шалых утки спешили куда—то из окраинных болот; он проводил еле видные силуэты жадным взором, и рука непроизвольно сжала ствол вээски, поставленной между ног...

Через час стало совсем темно. Людские голоса унялись, окна меркли один за другим, приутихли далекие собаки. Где—то вполголоса играла музыка, неожиданно наполнив сердце Щукина нежностью. Он закурил и задумался – что там, за каждым из окон? Одни люди легли спать, как положено. А другим—то не спится.

...Отчего?

На минуту представил, как все, переодевшись, затаились на балконах с винтарями – и усмехнулся, даже чуть не заржал, но вовремя опомнился – он в засаде!

Хорошо бы посмотреть в окна напротив. Грех, конечно, по чужим окнам шарить... Но интересно... Ладно, потом как—нибудь, а то так и главное прощелкать недолго.

Небо затянулось темной ватой облаков, луна глянула напоследок мистическим желтым зрачком и скрылась. С леса подуло сильнее, пробивая тонкий трикотаж и унося музыку в сторону; теперь был слышен лишь однообразный шелест листьев. Подполковник обхватил себя руками и задумался.

Около четырех утра он благополучно заснул, прислонив седеющую голову к шкафчику и сжимая коленями винтовку...

...Снился Щукину диковинный город, залитый незнакомым белым солнцем. Тысячи причудливых машин, словно сошедших со старинных полотен, толклись на пыльных дорогах, страшно гудели на перекрестках... Станным было их движение. Щукин пригляделся и понял: уступали они друг другу следующим образом: какая тачка навороченнее, больше – та и проезжала первой. Мелкие пролетали, как фанеры над Парижем. Одинаковые по крутости стояли,

уперевшись друг в друга лбами и гудели, гудели, гудели... Глушители их дымили и тряслись, как яйца плохих танцоров. Подполковник заметил, что некоторые из них уже вросли в асфальт по самое брюхо, словно мамонты, а вокруг колес извивались цепкие синие лианы с колючками. Часть машин была полностью погребена под лианами, и выглядели они, как марсианские могильные холмики...

Что—то было не то... Он не сразу сообразил, в чем дело – в городе не было людей! Машины ездили и гудели сами по себе.

Это был настоящий мертвый город. Стало страшно, нестерпимо захотелось проснуться... Он долго, с трудом выплывал из глубинного кошмара.

Проснулся Щукин в восемь, от вороньего крака. На перилах балкона сидела упитанная ворона и презрительно глядела на него. С трудом расправив затекшее тело, Николай встал и глянул вниз. От увиденного похолодело в груди: Волгуши не было! Только сухой прямоугольник – на рассвете вспрыснул дождь...

Машину нашли позже, искореженную и убитую, на одном из дальних пустырей, почти у леса. Все стекла вдребезги, сиденья изрезаны вандалами до пружин, железо покалечено – живого места не осталось... Шины разодраны в клочья так, будто их жевал крокодил. Под капотом тоже похозяйничал злодейский топор – трубки перебиты, свешены кишками... Судя по всему, над Волгой трудились долго и упоенно. Могли ведь просто облить бензином и чиркнуть спичкой, но решили поиграть на нервах.

Участковый, мужик хороший, в общем—то, угрюмо изрек, глядя на зверство:

– Да—а... Восстановлению не подлежит... Совсем народ оборзел. То сожгли, теперь вот раздолбали подчистую... Одни и те же, небось, развлекаются. Ты, Щукин, не горюй, пиши заяву. Постараемся найти подонков!

Щукин еле сдержался, чтоб не завывать в голос. Заяву не стал писать, сделал вид, что бесполезное, мол, это дело. А вдруг найдут кого, да допросят? На него, Щукина, тогда с полпинка выйдут, и на винтовку. Вечером пришел с инструментом, отвинтил кое—чего – продать, пока другие не растащили. Снял с учета, водки накупил, и залег в квартиру старушку свою поминать...

Четверо суток спустя, в недобрую ночь разгулялась в микрорайоне собачья свадьба. Псы похотливо лаяли, сучка визжала – и так несколько часов кряду; перед самым рассветом злой, опухший подполковник выполз на балкон, приладился и замочил течную даму прямо в башку, а затем попытался и одного из кобелей, самого активного и здоровенного, но собаки взвыли, кинулись врассыпную... Стало тихо.

Винтовку даже разбирать не стал, засунул опять за шкафчик, как есть. На хрен теперь нужен этот шкафчик. Выпил еще полстакана, и уснул, согретый. Снова во сне появился красноносый:

«Щукин!... Слышишь?! Вставай, пошли, дело есть...»

«Куда?! Не хочу!...» – отбивался, как мог, Щукин.

Ангел пошарился жадным взглядом, но ничего, кроме двух пустых бутылок поодаль, не обнаружил. Разозлился, схватил изумленного подполковника за грудки и начал трясти изо всех сил, харкая ему в лицо словами, затем стал стучать головой об стенку...

Восстал с постели Щукин со зверской головной болью и чувством вины, выпил воды с аспирином—упсой, но бесполезно, помог опять только стакан со змием, и завертелось по новой.

Полдня блевал возмущенным организмом...

Ночью пытался стрелять в орущего в кустах под домом кота, но промахнулся – больно уж мелок и шустер, сволочуга! Да и палить не с руки: вывесился было в полтела, но испугался,

что соседи увидят. Однако пуля ушла в темень, пробуравила почву и убила двух земляных червей и сонную ухвертку.

Ближе к утру позвонила приятельница Люська из продуктового, жившая в доме напротив. Она пожаловалась, что не может заснуть – подростки сверху совершенно озверели, дискотеку устроили. Уж и стучали, и ходили к ним, и в милицию звонили, а все без толку; менты сказали, что приедут, если только что—нибудь случится. Ну, если порежут кого—нибудь, или драка... Соседи – одни пенсионеры, боятся нос показать. А что муж? Пьяный, спит, скотина окаянная, ему море по колено! Да и трезвый не в помощь, сам знаешь, его одним пальцем свалить можно... «Прямо над тобой, говоришь?». «Ага... На—ка, послушай, как топочут, паразиты...» – в трубке явственно послышались радостные вопли, каблучный перестук и тупые удары басов. «Прими димедрол, или что там еще...» – сказал Шукин и отключился.

Да, молодежь нынче пошла совершенно неуправляемая. Кем бы вырос его сын?

Пойти, что ли, выпить...

Примерно десятью минутами позже он нашел окно Люськиных соседей сверху. Оно было распахнуто настежь, стало видно, как двое курят, сидя на подоконнике. В дальнем углу весело помаргивал музыкальный центр, выпускаемые им звуки были слышны даже здесь, на противоположной стороне двора. Похоже, пока он пил, вся тусовка мигрировала на кухню. Шукин терпеливо ждал, пока пространство освободится; наконец, курильщики сползли с подоконника и отправились к своим – и с наслаждением всадил пулю в черный ящик, взорвавшийся снопом искр и осколков.

Тихо...

Все, спать.

Нет, сначала выпить.

...Полчаса спустя опять тревожно зазвонил телефон. «Люська, стерва!!!...»

Шукин, почти не глядя, схватил с тумбочки аппарат и изо всех сил шваркнул об стену. Тот коротко звякнул и умер, расколовшись на три неравные части.

Сутки проспав, снова ушел в магазин. Люська отпускала с недовольством, ужаснувшись состоянию давнего знакомца, сама она не пила и терпеть ненавидела пьяных мужиков, так как жила с алкашом. А куда денешься? Бросить – погибнет. Да и хрен бы с ним, но привыкла... Передала привет жене и тут же: «...представляешь, я тебе позвонила, и через десять минут тишина – как отрезало!». «Я рад! – угрюмо ответил подполковник, – есть же совесть у людей.»

Денег оставалось немного, женину заначку найти не смог, хотя знал, что есть. Уж что—то, а экономить нажитое трудом Мария Никифоровна, уроженка Тверской губернии, умела... Шукин так зверски и не пил никогда, даже сам себе удивлялся, но где—то глубоко внутри верил, что это ненадолго. Хотя уже и соседи косились с недоумением, однако отставной офицер не буянил, не ругался, в лифте не ссал – и терпеливо ждали окончания запоя.

Проспавшись и выпив, с полуночи Шукин вновь вышел в ночной дозор, вышаривая местность в коллиматорный прицел. Во дворе было все спокойно, если не считать небольшой компании подростков, по случаю пятницы расположившейся на детской площадке. Был слышен визгливый смех подвыпивших девиц и хохот парней. То и дело звенела фальшиво гитара, парни старались переорать друг друга – выходило нестройно, но смешно. Подполковник, хмуро оглядев компанию в свою подзорную трубу, переключился на окна противоположного дома. Ничего интересного не было, только в одном месте удалось зацепить занимающуюся любовью парочку, но мешала постоянно занавеска. Шукин долго смотрел, неожиданно возбудился... Обозленный, пошел еще выпил. Вспомнил Машу, защемило... злость прошла, накатила грусть, пополам с безнадегой.

И всплыл почему—то вопрос: ...отчего поганый ангел был серым? Они бывают или белыми, или черными. С первыми вроде все ясно. Приличному ангелу по всем канонам положено быть белым. А черный – это злобный демон, обитатель Ада! А если башкой об стенку? Но и не черный? Вот загадка... Возможно, ангел просто не допил. Отсюда – беспричинная агрессия и все такое. И чего он здесь потерял? Явился на перепутье, как Серафим?!...

Щукин задумался и нарисовал себе перекресток со светофорами и фырчащими машинами. По—другому перепутье ему не представлялось, фантазии не хватало. Ну, и еще себя на коне, у камня, в остроконечном шлеме... Да какие сейчас кони? Перекресток и есть. Чертов ангел! Может, он сам на перепутье? Ни туда, ни сюда – оттого и серый?...

Но ответ, видимо, был слишком важным, чтобы вот так запросто осенить подполковника. Время разгадок еще не пришло...

После двух часов ночи компания, умеренно побуянив, стала расходиться. На скамейке остались совершенно пьяная девица и двое парней. Они весело греготали о чем—то, но слов было не разобрать, а только звон стеклянный иногда.

Оптика заскользила дальше по двору – вот пробежала деловито кошка, невдалеке подвыпивший мужичонка с пакетом в руках спешил куда—то. Наверное, домой. Кто ждет его? ... А что в пакете?

Все волновало почему—то.

Неожиданно в мозг ударило горной молнией, аж пошатнулся. «Маша должна приехать!» Когда? Подполковник не мог вспомнить. Наверное, уже скоро. Нет, это он должен ее привезти. Он ее отвез, он и должен привезти. Так было всегда... Они привозили из тверских земель кучу картошки, несколько ведер яблок, консервированные кабачки, огурчики... Но главное – грибы! Бабка отменно солила белые и грузди, а коронным блюдом по праву считались маринованные молодые опята, которые собирали в старом березняке у самой деревни. Волгуша загружалась по полной программе, и хватало до весны... Волгуши больше нет...

Как же теперь?

...Темень двора прорвала высокая нота крика – кричала женщина. «Помогииите—е—е! Насилуюю—ю—ют!!!»

Потом крик перерос в отборный мат и веселый визг, заметавшийся между сонных домов. Зажглась пара недовольных окон.

Щукин встрепенулся, принял к окуляру. Сначала не мог найти, руки дрожали, потом настроился голос, как на волну. Спокойно, подполковник! Возьмите себя в руки!

Выровнял дыхание, положил винтовку на перила и стал пристально всматриваться в заросли двора, костenea глазом. Зажглось еще несколько окон на нижних этажах, в них появились заспанные силуэты. Вот, теперь видно тела – какая—то возня на земле у скамейки, темно, не разобрать.

Неожиданно захотелось выстрелить прямо в этот чертов клубок... Щукин аж заскрежетал зубами, но потом резко переместил ствол и пальнул в бутылку, стоящую тут же на газете. Раздался вдруг страшный звон, словно разбилась не одна бутылка, а целый ларек; возня на земле сразу же прекратилась...

...А затем ночь прорезал леденящий вопль той же женщины: «Убиииили—и—и—и!!! ...»

«Господи... Попал?...»

Щукин скатился в комнату, быстро закрыл за собой дверь...

«Как же так...?»

Руки тряслись, когда наливал себе.

«Нет. Не может быть! Я же мимо стрелял... мимо...»

«Господи... Помилуй... Не хотел я, ты знаешь – не хотел!!!»

Кинулся на кровать – «...нет, нет, нет!!!», бился о спинку лбом, до крови...

Потом вырубился, разметавшись одетым на одеяле.

...И снился Щукину сон, будто стоит он в тихом дворе, окруженном высоким белым забором. Тут и там в зеленях торчали то обрывки белых мраморных колонн, то обломки статуй. На многочисленных скамьях сидели задумчивые люди в длинных белых одеждах.

Так вот где они все!

Совсем рядом один из сидящих тихо плакал – было видно мокрые впалые щеки, щетину, в руке дрожала закрытая книга. На вид ему было лет тридцать пять, но бледная кожа и мешочные подглазья сделали его стариком. Подполковник, некстати оказавшийся рядом, участливо спросил, что случилось.

Мужчина поднял грозовые глаза:

– «Варяг» потонул... Они погибли все. Вы хоть представляете?

Щукин вспомнил, что это было еще в начале века, но вида не подал:

– У вас на нем были родственники?

– Нет, – мужчина вздохнул и свесился головою еще печальнее. – Просто жалко. А вам – нет?

Затем неожиданно схватился за голову худыми руками и стал раскачиваться, приговаривая: «Они меня мучают... мучают...»

– Кто – они? – занервничал Щукин.

Мужик перестал раскачиваться, поднял веки и жалко улыбнулся:

– Они, с «Варяга». Они меня мучают...

Налетевший порыв ветра замял неловкую паузу шорохом листвы.

– У вас есть жена?

– Есть, а как же! – обрадовался подполковник нормальной теме, – У меня замечательная жена. Маша зовут. А вашу?

– Настя. Она умерла два года назад.

– Простите...

– Ничего! Мы все равно скоро увидимся.

Внезапно мужчина зарыдал в голос.

Щукин, пробормотав извинения, поспешил отойти в зеленую глубь двора; вскоре из зарослей послышалась тихие фортепьянные переливы и какие—то звуки, похожие на пыхтение. Взору его открылась опушка со странным хороводом. Десятка полтора людей неспешно кружились в длинных белых рубахах, плавно вздымали и опускали руки в такт музыке, и Щукин увидел, что рукава у них длинные, как у паяцев. Все танцевавшие были мужчинами, глаза их закрыты, но он уже знал, что они такие же водянисто—серые, как и у недавнего собеседника. Почти каждый шевелил губами, словно разговаривал сам с собой. Наверное, весь хоровод был в трансе; увиденное вызвало в нем внутреннее отвращение, почти протест, но вместе с тем – и успокоение.

Так и проснулся: в зелено—белом спокойствии, без мыслей в голове. Вся подушка – в крови, на лбу запеклась ссадина. Побрел в туалет – моча была теплой, доброжелательной, хоть и пахла спиртовыми фракциями. Застегнув ширинку, подполковник почувствовал удовлетворение.

Через два дня наведился участковый, с неодобрением уставившись на грязь в коридоре и щетинистого, невымытого жильца, спросил, не слышал ли чего особенного Щукин прошлой ночью.

– Нет... Пьяный был, спал. Жена уехала, – хозяин коротко дал понять причину запустения. – А что? Опять убили кого?

– Да тут вчера местную молодежь из снайперской винтовки чуть не замочили, прямо во дворе. Их там трое сидело... распивали, развлекались. Парня одного ранили – к счастью, легко отделался! Осколок от бутылки отскочил, прямо в руку. Кровищи было... но ничего, жить будет.

«Слава Тебе, Господи!!!»

– Да ты что!...

– Я тебе говорю. Помнишь, того бандюка с месяц назад завалили? Так вот, пуля та же. В гитару рикошетом попала, прямо в ней и нашли. Баллистики сказали – свинец—то знакомый! Ствол один. А шмаляют из окон, где—то во дворе... Ищем.

– А девушка?

– Что – девушка? Девушка цела. Перепуганная насмерть, дома сидит. А у нас дел до черта. Труп нераскрытый, убийца на свободе... В общем, сам понимаешь – весь отдел на ушах. Ладно, пошел я. Увидимся... Будь осторожней, этот придурок ночной явно не в себе, даже в собак лупит, и в окна палит. Так что вечером во двор не выходи, занавески задергивай... И соседям, кстати, скажи.

– Скажу.

– Слушай, а ведь у тебя, кажется, ружье было...

– И сейчас есть, – Шукин напрягся, резко покрывшись потом. – Я уже давно с охотой завязал. В ящике лежит...

– А что за ружье?

– Двустволка старая... Показать?

– Да не, на надо. Я ж тебя, поди, лет пятнадцать знаю, а то и больше! И вот что... Ты это... квасить кончай. Железка, какая бы ни была – здоровья не стоит. А у нас с тобой годы уже не те, чтоб так над собой изгаляться. Когда Маша—то приезжает?

– Так не на чем везти, Степаныч. У нее там добра целый воз, а такси брать дорого.

– Если чем смогу помочь – позвоню.

– Вот спасибо...

– Колян, я вот что скажу. Ты на дачу свою поезжай. Кислородом подыши, в банке попарься, в себя приди. А то как жене, на глаза—то? Вон, морда расквашена – дрался, что ль? Ты смотри... Я тебя в пятницу отвезу, так и быть.

– Ох, классный ты мужик, хоть и мент! Не злись – пошутил. С меня причитается!

– Бывай.

Неожиданно участковый остановился в дверях, словно вспомнил что—то важное:

– Постой—ка, Шукин! А почему ты про девушку спросил? Я ж вроде и не говорил, что там девушка была...

Подполковник замялся ровно на секунду, и сам удивился своей выдержке; видно, так опух, что мимика уже незаметна...

– Так... Это... Понятно, что девушка! Парни ведь с гитарой сидели, не сами же себе песни травили... И потом, я вроде крик женский слышал.

– Ты ж говорил – не слышал ничего?

– А теперь припоминаю, что вроде слышал что—то... Баба вроде орала, что насилуют. А потом смеялась.

– Ясно. Как думаешь, этот псих... то есть снайпер – наблюдал за ними?

– Наверное... Только не псих он. Иначе бы не в сторону, а в человека стрелял! Может, пугал просто, чтобы не слишком орала? Или вправду решил, что женщину... того. Осадил, стало быть. Ты подумай сам – может ли снайпер так промахнуться?

– Тоже верно... Значит, Робин Гуд у нас тут завелся на мою голову, б... дь!!!

- Серый Ангел... – неожиданно для себя брякнул подполковник.
- Чего?...
- Это... книжку одну сейчас читаю... про ангелов.
- Смотри, до чертей не дочитайся. Ладно, пошел я... Ангел, б... дь... Ишь ты...

Участковый долго еще ругался, стоя в ожидании лифта – Щукин следил за ним в глазок, руки его тряслись – дал им волю. Потом пошел, насыпал рыбам корма, понаблюдал за их плавной жизнью и вроде как успокоился...

По району поползли жуткие слухи о ночном снайпере. К вечеру двор фактически вымирал, музыка смолкала, окна гасли. Ежедневно между домов курсировала патрульная машина. На каждом подъезде повесили объявления, где призывали быть бдительными, докладывать обо всех подозрительных личностях, зашторивать вечером окна и не выходить во двор. Зато по ночам теперь было тихо и спокойно, ничем не тревожимые жильцы ложились рано и спали сладко. Район, фактически, стал образцовым.

Днем по домам ходил взмыленный следователь. Но из опрошенных никто ничего толком сказать не мог – не слышали выстрелов, не видели вспышек. Сыщики упорно обтрясали подвалы, чердаки и квартиры подозрительных элементов – бывших уголовников, учетных шизиков, охранников, лиц без определенных занятий... Всех прошерстить сил не хватало, конечно; ходили по чужим наводкам, да своим раскладкам; но обыски ничего не дали.

Два дня Щукин не заступал на вахту, раздумывал, отходил потихоньку. Да и водка закончилась.

Все, пора в завязку!

В пятницу вечером приехал сын участкового, молодой веселый парень, помог собраться. Ехать было всего ничего, минут сорок от крыльца до крыльца. По дороге вздремнул немного, организм требовал покоя. Снова снился Крылатый Хмырь, но какой—то неуверенный, с обвисшими крыльями, просил опохмелиться; подполковник врезал ему в челюсть твердой рукой...

Дача встретила хозяина черным остовом венца. Сгорело все подчистую, даже банька на отшибе. Уцелели только железный забор и гараж, сложенный из шлакоблоков – словно в насмешку.

Щукин смотрел на все это с каким—то отрешенным видом и боялся выходить из машины. Парень присвистнул изумленно, но говорить ничего не стал, словно боялся разбить остекленного враз подполковника. К ним подошел сосед, пришлось вылезти, пожать руку. Сердце стучало неровно, где—то выше, чем положено... На унылое пепелище старался не смотреть, только коротко спросил:

– Бомжи?

– Да хрен его знает. Разе толком поймешь... Дня четыре назад, ночью полыхнуло... Сруб—то старый, сухой – сгорел спичкой. Мы тут с мужиками канистру обгорелую нашли. У тебя была канистра?

– В гараже.

– Проверь... Менты потом приехали, все тут вверх дном перевернули. Может, нашли чего. Тебе не звонили разве?

– Телефон сломался...

Щукин неожиданно вспомнил тот утренний звонок, когда расколошматил телефон; наверное, это они и были. Черт, надо ж было так ужраться...

А теперь – что?

ЧТО?...

Навалилась вдруг тоска, мысли стали расплывчатыми, ватными. Вообще ни о чем думать не хотелось...

Закурили втроем, глядя на мертвую дачу.

– Сожалею, Николай Палыч! Я отцу расскажу. Это ж надо... сначала машина, а...

– Ладно, Петь, поехали. Последняя просьба – отвези меня завтра с утра, в местное отделение. Все равно ведь вызовут. А как мне теперь без лошади...

– Участок будете продавать?

– Не знаю еще. Жена вернется – решим.

В душном кабинете следователя, здоровенного потного мужика с усталым взглядом, Шукин подписал несколько бумаг. Нет, врагов нет. С соседями отношения теплые. «Волгу»? Да, расколошматили какие—то подонки, а за что – неясно. Канистра вроде моя. А может, и нет – не помню. «Парламент»? Нет, никто из знакомых не курит...

Вернувшись домой, Шукин полез в ванную не раздеваясь, долго смотрел на себя в зеркало, и видел злобного, немолодого мужика, с опухшей рожей, темными мешками под глазами и неопрятной щетиной. Воду так и не включил – последние дни его преследовала водобоязнь, уже и не помнил, когда по—настоящему мылся.

Нырнул под стол, открыл заветный ящик, распатронил магазин и пересчитал содержимое. Осталось всего четыре патрона. Может, выкинуть их к ядрене фене? От греха подальше. А автомат по частям похоронить.

Несколько часов рыл всю квартиру и нашел—таки деньги – под ванной в железной коробке из-под импортных печений. Все же нюх страждущего выше всяких похвал. Да и фантазия у жены бабская...

К вечеру подполковник упился так, что на следующий день ничего не помнил – ни благих намерений, ни сгоревшую дачу, ни жену. Потом, понятно, пришлось идти за новой дозой. Продавщица уже стояла другая, молоденькая хохлушка, лишних вопросов не задавала и не смотрела уничтожительно. Вообще не смотрела, грохнула о прилавок бутылками, кинула сдачу – следующий! Сначала хотел портвейна, да передумал.

Сумку с «Богородской» и закусоном еле доволок домой. Юркнул в подъезд под бдительным старушечьим оком. Было еще немного стыдно...

Заснуть смог лишь под утро – жуть как болела голова и в груди давило, словно жаба ворочалась слева под ребрами.

...И снился Шукину сон. Медленно брел он по раскаленному асфальту посреди мертвого города. Это был уже знакомый город, но роскошные машины стояли молча, грустные и мертвые, по обочинам. Кругом ни души – ни птиц, ни собак, жужжали только матерые мухи, словно город и вправду стал огромным мертвецом. Да резвились маленькие пыльные смерчки, предвестники сухой грозы. На сером полотне трепыхалась газета, издали похожая на агонизирующую белую кошку... Шукин подбежал, хотел наподдать ей, но газета отпорхнула и унеслась по своим делам.

И стало тихо—тихо... он с тоской оглянулся, ожидая плохого, и увидел в небе темную точку, которая стремительно разрасталась в крылатое существо. Серый Ангел, как окрестил его про себя подполковник, выглядел сурово. Синяк на роже зажил, от улыбки несло перегаром, нос был ярк и блестел вызывающе. Приобщился где—то, в общем. Голубые глаза без зрачков втягивали Шукина в себя, словно в прорубь, и он понял, что надо сопротивляться, но на этот раз получилось как—то вяло... Отступил на шаг, полусогнул руки, словно готовясь к бою – Серый съежился, но не двинулся с места, однако. Словно знал, падла, какою—то свою тайную власть над Шукиным.

«У алкашей всегда голубые глаза... – почему—то подумалось подполковнику, – ...голубые или серые. Ни разу не видел с карими. Почему? Наверное, и ангел этот – тоже алкаш. Хоть и ангел, а зрачки пропил. Зато крылья отросли...»

Вечером заглянула Настя, соседка по площадке – до нее, оказывается, дозвонилась жена, висит на трубе... Соседка мялась—жалась, но так и не решилась сама поведать, что Николай запил, и что лучше бы ей приехать, но во дворе завелся убийца, и лучше бы не приезжать... тем более что и машины все равно нет, разбили ее, Волгу—то, какие—то сволочи... Как такое скажешь? Пусть уж лучше муж сам. Нет, надо хоть про машину сказать, чтоб не ждала зря. Придумала от себя, что Волга ихняя сломалась вроде, Николай уже неделю чинит. Маша очень расстроилась, попросила Колю к телефону, а Коля—то еле стоит, блаженный, улыбается, лыка не вяжет, по всему коридору бутылки и носочно—подмышечные сады одинокого пьяницы.

Соседка сплюнула, а Маше сказала, что дома нет никого, видать, ушел куда—то, но она оставит ему записку в двери, обязательно! Трубку положила и задумалась – у самой—то помер алкаш два года как, царствие Небесное! Еще и сорока не было... Хоть и жалко, и стыдно самой себе признаваться, но словно свежего воздуха вдохнула... Бедная Маша, такая славная женщина. И что за паразиты эти мужики: свою жизнь ни в грош не ценят, и другим коверкают!

Щукин напился и опять заснул, поставив на столик недопитую «богородскую», дабы нашлось что с утра глотнуть.

Снилось снова зелено—белое. На этот раз он попробовал выйти из дворика, обошел весь забор по периметру, обследовал каждый метр, но ни дверей, ни калитки, ни даже элементарной дыры не нашел. Это его обеспокоило не на шутку – «уж не за психа ли меня тут держат?!» Рассерженная смекалка указала на старую липу неподалеку. Придавленное бурей, дерево тяжело опиралось на каменный белый забор, и часть ветвей свешивалась на другую, свободную, сторону.

Не то, чтобы проворно, но все же влез Щукин на дерево, благодаря бесконечным разломам на дряхлом стволе. Как жирный Маугли, слегка матерясь от страха, прополз он по толстой ветви и спрыгнул, больно ударившись копчиком о землю.

И мгновенно тишина разорвалась – он увидел громадную толпу; тысячеликая глотка ревела «ДАЙ!!! ДАЙ!!!»... Кругом летали слюни, мелькали кулаки... Что дать—то? – не понял подполковник, взопрел разом от такого безумия и попятился, но уперся в стену.

Толпа напирала, и подполковник отчетливо понял, что сейчас его просто съедят. Зачем бежал он из этого тихого, прекрасного места? Почто не сиделось там придурку?!

Уже с жизнью начал прощаться; но вдруг – откуда ни возьмись! – чья—то цепкая клешня хватает его за шиворот и вот уже Щукин, зажмурившись, как шкодливый кутенок, взмывает вверх, пролетает над колышущейся злобной лавой. Теперь, с высоты, можно плюнуть на бесильную свирепость протоплазмы – что и сделал от души... Внизу зашипело, как от сковородки, но он был уже далеко.

...Долго летели над городом.

Потом пролетели небольшое поле, перелесок, и, наконец, опустились под тяжелое хлопанье крыльев на вполне приятной опушке, полной грибов на тонких ножках. Грибы пахли почему—то ногами. В небе цвиркал невидимый жаворонок... В общем, было похоже на рай.

Ангел, тяжело сопя, вынул откуда—то из—под крыльев, из потайного кармашка, бутылку с живительной влагой и принялся утолять себя, изредка поглядывая на подполковника – а тот протянул руку в надежде, нутро жгло и выворачивало!

Серый честно отлил ему полстакана и со вздохом откинул пустой сосуд в сторону. Бутылка показалась подозрительно знакомой...

Долго, внимательно смотрел Щукин на благодетеля. Что хочет от него таинственный посланник Небес? Что вдруг за знак ему такой, в виде Серого Ангела?

...И разгадка неожиданно пришла к нему – да он же просто грязный! Когда—то этот ангел был гордым и снежно—белым, как Безенгийская стена, а теперь стал серым, как ста-

рая подушка, и перья торчали безобразно, а кое—где слиплись от грязи. И никакой мистики. Немытая пьяная птица лезет в друганы – нет уж, дудки.

Засмеялся подполковник – озорно, как нормальный, и минут пять не мог остановится. И этот чмошный серафим еще смел его бить?!... Да просто взять сейчас, да и дать в рог, чтобы полетел без участия крыльев... размазать одной левой странное существо, не относящееся ни к Богу, ни к Дьяволу...

Размахнулся обманутый Щукин во всю мощь, да и проснулся...

Сердце колотилось страшно; весь мокрый, пошел, выпил заплесневевшего маринада из-под огурцов, которые уже несколько дней, как съел. Вернулся в спальню, посмотрел на бутылку – она была совершенно пуста. Когда успел прикончить злодейку – уже не помнил, пошел новую откупорил.

Через два дня закуска кончилась. Но – не хлебом единым жив русский человек! Выпивка тоже кончилась, надо пойти, пополнить боевые склады... Пока шел по коридору, глянул на себя искоса, отметил: «Похудел». Раньше бы порадовался, лишний вес мешал, а сейчас уже было все равно.

Поднимался обратно – стоит соседка Настя, смотрит недобро. Маша опять звонила, сказала, что собиралась вот—вот приехать, но неожиданно заболела мама. Просила передать, чтоб не переживал из—за машины, картошку и овощи знакомый обещал помочь привезти... Чтобы берег себя, не забыл заплатить за квартиру, а у нее все в порядке, и приедет, как только сможет. Соседка все выпалила скороговоркой, потому что уже смутно понимала – бесполезно говорить. Укоризненно хлопнула дверью, оставив Щукина на площадке, пожираемого тяжкими мыслями.

Скорей, чтобы заглушить их, надо выпить.

Что—то даже не звонит никто... Ах да, скелет телефона валяется в углу.

Надо рыб покормить... Что—то грустные они какие—то. Может, им водки туда налить? Щукин не пожалел полбутылки для рыбьего счастья. Должен быть и у рыб хоть когда—нибудь праздник!... Включил телевизор и аккурат на эротику попал. Какой—то мускулистый китаец по первой программе имел со страшной силой девушку с косичками, а девушке лет тринадцать на вид, не больше! Совсем одурели, буржуи проклятые...

Выключил.

Но, как блоха, уже перескочила на Щукина идея какую—нибудь бабу подцепить. А то и поговорить не с кем, и вообще, сами понимаете. Вся жизнь прожита, можно сказать, под каблуком. Разве ж это жизнь?!... Все равно жены еще долго не будет... А тоска странная обуяла – сил нет. Надо выйти в люди. Есть одна б... ская точка у рынка, кафешка вонючая. В былые дни обходил ее за версту, а сейчас, похоже, и податься—то больше некуда.

Побрызгался жениным дезодорантом прямо на пиджак, лицо умыл. Жених!

...Первая мысль, созревшая в мозгу, была стара, как мир. «Все бабы – суки.»

...Бумажник со всем, что там было, уперли. Только паспорт оставили, скоты. Нестерпимо болела нога, где—то в бедре, и голова – не помнил, кто и как доволок его домой, пьяного, почти без сознания. Чтобы не валялся на тротуаре, как скотина. Ничего не помнил...

Четкими кадры воспоминаний были лишь до того момента, как Щукин присоседился к какой—то компании в кафе, налили по первой, по второй... Стерва молодая, крашенная, вилась вокруг, в табачном дыму. Подполковник сорил деньгами, шутил, вспоминал молодость и кидал алчные глаза на пышный зад незнакомки. За женщин!... Еще пили. Потом, вроде, сговорились с бабой уйти. После этого – полная амнезия. Судя по всему, подлили что-то. Или дали по голове и бросили. Только дождь и боль. Очнулся уже у подъезда, весь мокрый. Дальше все

смазано: вот два добрых духа, два тщедушных алкарика, из спившихся интеллигентов, тащат его дворами, руководствуясь пропиской в паспорте. Дотащили. Заглянули в лицо:

«Ну, ты как, мужик? Давай, ётить, воскресай! Дома есть кто?»

«Есть. Жена...»

«А, ну мы пошли тогда!» – затушевались алкарики и свалили в темень. И даже ничего не попросили. Мир не без добрых душ – еще раз понял Щукин. Про злые старался не думать. «Подлечусь – убью. Если лица вспомню...»

Благо, хоть ключи от квартиры на цепочке – Машин подарок – в кармане брюк не нашли, а то бы уже и дом обчистили... Дополз, ввалился, захлопнул дверь и сутки проспал.

Кто—то звонит. Звонок тренькает настырно, бьет в голову колоколом. Соседка? Участковый? Зачем?... Пока соображал, пока допрыгал на одной ноге до двери и глянул в глазок, уже никого не было. Открыл дверь, прислушался... Не успел.

Поскакал обратно, держась за стенку, поскользнулся и грохнулся во весь рост в коридоре... В бедре что—то хрустнуло – отключился от нестерпимой боли, долго лежал, приходил в себя. Надо бы «скорую»... Дополз до телефона, тупо покрутил в руках обломки...

Какая сволочь сломала телефон?!

Вечером нестерпимо захотелось жрать и курить. Курево нашел, а жрать было нечего. И спиртное кончилось... Ползал час, слил из всех пустых бутылок, какие нашел в квартире, вожделенные капли, получилось грамм тридцать эликсира жизни. Для нормальной жизни – маловато будет... Но хоть что—то. Холодильник рыкнул белой пустой пастью, зато в шкафчиках затаились холстяные мешочки с крупами, Машины запасы. Однако безумно хотелось мясного, жареного...

Всю ночь не спал, маялся от голода и похмелья.

Утром тяжелый взгляд Щукина упал на аквариум. Рыбы плавали у самой поверхности, и носы их были розоватыми, а глаза косыми.

Через двадцать минут обе уже пеклись на остатках масла.

На следующий день подполковник вытащил винтовку и стал караулить у открытой фрамуги. Он радовался – раз хочет есть, значит – не алкоголик! Это алкаши ничего не едят, живут святым духом... и сами в духов превращаются, а Щукинский организм бушует, как медведь в капкане... Ну, запил маленько, с кем не бывает. Вернется жена, будет счастье, будет жарка, и все будет хорошо. А пока надо поддержать организм...

Приладилась было в ворону на перилах, однако пуля лишь взъерошила той хохол на голове. Ворона, старая знакомая, подмигнула ему и неспешно спикировала вниз, в зону недосыгаемости. Час ждал, пока не сообразил накидать крупы. Тут же голубь из ничего объявился, за ним другой, третий... Толкаясь глупыми башками, птицы увлеченно клевали подарок судьбы.

Вернулась ворона – есть—то хочется! – села повыше, с опаской, стала наблюдать, как из бестолковых голубиных клювов расточительно летят в разные стороны кусочки пищи, тут же подбираемые соседями. «Стайные дуры!» – думала ворона пренебрежительно. Уж у самой—то из клюва хрен что выпадет. Разум и одиночество? Стайность и тупость? С этими мыслями ворона удалилась, от греха подальше – заметила Щукина, затаившегося в глубине комнаты.

Чмокнул выстрел, один голубь свалился, остальные в панике улетели, навалив со страха кучу перьев. Голубя ощипал, морщась, пожарил без масла и съел. Оказалось – вполне ничего! Конечно, хуже, чем курица. Надо бы повторить, но патронов осталось мало.

Может, сделать силки?... Пополз в свою комнату, нашел в шкафу леску, плохо гнуцимися пальцами стал мастерить какую—то петлю, и вдруг прихватило сердце... Так и лежал на ковре полдня, пока не отпустило. «Помогите...».

Может, с балкона покричать?

Нет, нельзя. Тут такой срач, перья. И винтовку найдут сразу... А тогда кранты, все трупы, какие в районе есть, на него повесят.

К вечеру чудовищно придавило какой—то абстиненцией... Это она – белая горячка? Или просто простудился, когда на асфальте под дождем лежал?

Щукин чувствовал, что умирает. Доковылял до плиты, сделал себе крепкого чаю из остатков заварки, но не помогло.

Может, все ж позвонить куда, чтоб помогли. Анонимно. Вон, в старых газетах полно объявлений, больше, чем «куплю—продам», словно весь мир в запое. Он же не алкаш какой, все понимает. Винтовку надо спрятать...

Не мудрствуя лукаво, запихнул ее под кровать. И сообразил: «Проклятье... А денег—то нет!»

Надо другу позвонить. Он поможет, вытащит.

Долго ковырялся с аппаратом, но так ничего и не смог сделать – тупо держал куски гололомок в руках, пыжился, а мозг отказывался помочь в простейшем деянии... и руки издевательски не слушались. Щукин был так удручен, так подавлен этой новостью, что пустил слезу.

Плакал он долго, сопли размазывая. Почему—то вспомнились матросы с «Варяга» – оплакивал и их заодно... И правда, жалко их было. Всех, в общем—то, жалко. А потом стало совсем херово, затрясло, заколбасило...

Двинулся в ванную, пошариться в аптечке. Хоть что—нибудь, лишь бы полегчало! Вывалил все на стиральную машину – уголь, супрастин, нош—па, анальгин, колдрекс... Энап какой—то. Анальгина бы надо, чтобы боль в ноге унять – отложил. Желудочные. Куча разной дряни... Валерианка. Нет, не то. Где же Машины? Должно помочь, нервы на пределе... Наверное, у нее в столе. Ящик она никогда не запирает.

Ага, вот они где. Сердечные. Пятнадцатилетней давности элениум, выкинуть пора, а жена все копит... Фенозепам, непочатый. Ей вечно что—то прописывают от бессонницы и неврозов. Таблетки жена ела неохотно, боялась привыкнуть, а однажды сказала – «Коля, я боюсь от них не проснуться...» Старалась обходиться валерианкой или настойкой пиона на ночь, но это как слону дробина.

Щукин вдруг увидел, как трясутся его руки, и испугался. Руки вообще были какие—то странные, словно чужие. И жили как бы отдельно от общего организма; сейчас они самостоятельно копались в пузырьках и коробочках, рассыпая содержимое, а он как бы наблюдал со стороны. Кстати, где настойка? Она же на спирту... Черт, пузырек пустой.

Циклодол. Во! Сильная штука, хоть и старый. Кажется, им лечился ее отец от трясучки. Или сама? То, что надо. А малюсенькие какие... детские? Лучше побольше. Как раз девять штук...

Стойте, подполковник! Есть же еще лосьон после бритья! Как сразу—то не догадался...

Минут через сорок Щукин почувствовал легкое головокружение и ватность в здоровой ноге. Больная ровно ныла, если ее не тревожили. Он с трудом, опираясь на швабру, допрыгал до супружеского ложа, лег и закрыл глаза, трусливо прислушиваясь к себе. Тело дрожало. «Лишь бы помогло... Должно помочь... Хуже—то не будет, уже быть не может. Вдруг засну, наконец, нормально... Хорошо бы проснуться, а тут – Маша. И все встанет на свои места.»

Еще через час заметно полегчало.

Вот так—то лучше! Комната расширилась, обросла бревенчатыми стенами и лепными амурами по углам.

Сам он в алом бархатном халате сидит во главе длинного деревянного стола. За спиной на маральем роге покоится любимая двустволка, в камине на вертеле жарится свинья... Радостный, возбужденный Ангел в белом сюртуке суетится вокруг, поблескивает глазками, как старый гомик; в цепкой лапке держит бокал с портвейном. Стол ломится от яств – на позолоченных блюдах лежат сало, икра рыба, огурцы, докторская... Грудастая деваха в кельтском наряде и железных нагрудниках, с длинной косой, подносит блинчики с жару, миску сметаны. Ммм... Свободные промежутки между блюдами изысканно уставлены портвейном и водкой всевозможных сортов. Валькирии вокруг так и порхают с подносами, погромыхивая доспехами и радуя глаз. На бедрах их висят мечи, а лицом они все похожи на Машу.

За столом – весь офицерский состав с «Варяга», отутюженный и блестящий. Моряки беспрестанно чокаются и горделиво пьют за начало русско—японской кампании. «С нами Бог!»

Один из них повернул прокуренную улыбку: «Господин генерал! А что же вы?... Идите к нам!»

Оркестр, замаскированный где—то наверху, играл любимую «...гляжу в озера синие...», и Щукин прослезился, цепляя скользкий груздь серебряной вилкой с фамильными вензелями. Теперь все девы казались похожими на Зыкину.

Ангел подливал. Сегодня он показался Щукину не таким грязным, как обычно. Может, помылся наконец, сволочь?... Он обеспокоено потянул его за лацкан:

«А матросы где?!»

«Гуляют в таверне, неподалеку—с. Не извольте беспокоиться!»

Это был рай, несомненно; достоверность этого факта подтверждал и знакомый запах... Щукин оглянулся в поисках таинственных грибов, но потом одернул себя: «Мелочи!... Не пристало генералу в раю суетиться.»

Они где—то здесь, однозначно. Наверняка, под столом.

«Серый!»

«Да, барин?...»

«На воздух хочу. Коня седлай!»

«Может, колясочку велите заложить? Куда ж вы, с устатку—то, в стремя не попадете...»

«Ма—алчать, сучий сын!!! Ладно... Коляску подавай...»

Лишь на морозе, укутанный в медвежью доху, генерал успокоился, прикурил от поднесенной зажигалки.

Серый впереди, на козлах, колыхался во тьме, вяло помахивая длинным кнутом. Яблочный мерин бежал резво, не нуждаясь в понукании, от него шел белый пар, оседая изморосью на боках и крупе. Над головою висела тонкая январская луна, трескучая ночь была темна, тиха и безбрежна...

«Я ехалаа—а—а домоо—о—о—й!!! – заорал Щукин в восторге. – Душа была полна—а—а!!!! Выхожу один я дорогу, сквозь туман тернистый путь... блесит... АААА! Серый! Утки—и—и!!!»

Мимо прошелестела стая жирных уток – видимо, на юг. Эх, стрельнуть бы сейчас! А ружье—то на стене осталось...

«Держите ружьецо—с!... Знал, что пригодится. Тпрр-р-р... Стой, лихоимец!»

Ай да Серый! Вот что значит – выучка.

«Что за дробь?»

«Пятерочка, ваше блдие! Самый цимус.»

«А прошибет?...»

«Не сумлевайтесь...»

Подполковник взвел оба курка, поднял ружье вверх, крепко зажмурился и выпалил дуплетом куда—то в небо...

...А затем ночь прорезал леденящий вопль: «Убиииили—и—и—и!!!...»

Занудный сентябрьский дождик обложил рассвет и моросил, моросил, не прекращая.

К полудню у подъезда остановилась «Газель». Из нее вылезла усталая женщина. Она тревожно взглянула вверх, на окна, и увидела, как высоко над крышей кружится большая странная птица. На ворону было не похоже.

...Очнулся Щукин с трудом, словно вынырнул из болота. Во рту стоял омерзительный, устойчивый привкус дерьма. Бац – а Ангел, сволочь, тут как тут, рядом сидит, лыбится красными губами. Но сидит скромно так, в ногах, и с кем—то там сюсюкается...

Подполковник попытался вспомнить, что делал вчера, впускал ли кого в избу, но не смог. Ангел тем временем нагнулся и пробормотал что—то ласковое – Щукин со страхом увидел, как серая когтистая лапа месит холку маленькому овчаренку, а тот жмурится и хвостом виляет... Хотел позвать щенка, рот уже открыл, да забыл, как зовут. Вспоминал, напрягался, чуть башка не лопнула – не вспомнил.

Тем временем веселому щенку надоели чужие ласки, и он подбежал к хозяину, лизнул в свесившуюся руку... По пальцам ток пробежал, а Щукин заорал вдруг в ужасе – Ангел начал меняться на глазах, раздуваясь в кошмарного черного монстра; и вот уже заполнил собой полкомнаты. Задыхаясь, Щукин неуклюже скатился с кровати и почувствовал, что с трудом управляет своим телом. Бежать, драться – не мог; значит, спасенья не было, а монстр все разрастался, становясь дымчатым, всепоглощающим... Крылья задевали стены, когти вытянулись и извивались, а огромные красные губы свернулись воронкой, нацелились на него... Сейчас засосут махом...

И подполковник скрючился уже в клубок пропащий, забился за тумбочку, но тут заметил какой—то костыль под кроватью. Протянул свое щупальце, хватать – а это приклад от винтовки. Да, была у него винтовка. Засунул, наверное, вчера...

Смерть монстрам!!!

Ангел мгновенно съезился до нормальных размеров, ручками человеческими замахал, запищал жалобно, и хоть дернулось больное тело подполковника, но с двух метров промахнуться было никак нельзя.

...Соседка, заглянувшая к Щукину, умерла сразу, не успев пожурить его за незапертую дверь и предупредить, что едет жена. Убийца выронил из ослабевших щупалец оружие и зажмурился, сиюсья отгородиться веками от страшной картины. Мозги его с трудом прояснились, но с осознанием происшедшего вновь заволокли туманом ужаса. И уже не хотелось выходить из этого тумана, а плыть и плыть, чтобы не трогали, не ругали, навсегда оставили в зелено—белом покое.

«Для покоя есть только одно средство – девятая пуля...» – шепнул кто—то рядом. Подполковник посмотрел на свои руки, обретшие вдруг человеческую форму, и почти деловито отсоединил приклад, чтобы не мешал. «Я ехала домо-ой... Двурогая Луна—а—а...»

Луна дрогнула и упала, в душе разбился хрупкий сосуд и разлилась густая Апатия, безразличная к происходящему, слегка печальная перед расставанием. Какая—то давно ускользнувшая мысль прорвалась в последний момент – вспомнил! Девять жизней бывает только у кошек, а людям предназначены девять кругов Ада.

«Прости уж меня, Машенька...»

И заметался Щукин в замкнутом пространстве, слыша непривычные крылья за спиной. До первого круга еще далеко, целых девять дней... Выпить с кем бы, что ли?

...Из «Газели», потягиваясь, выпрыгнул заспанный мужик, мрачно взглянул на небо, поежился и пошел отстегивать тент. На тротуаре стали появляться ведра, банки, мешки... Женщина раскрыла зонт.

Она почему—то нервничала.

Вновь посмотрела вверх – дождь не прекращался, но птица упорно кружила, словно поджидала кого—то. Неожиданно над крышей появилась вторая птица, такая же огромная и нелепая. Они сделали ноль над домом и полетели куда—то, постепенно растворяясь в сером рассвете.

Октябрь 2001 г.

Странная женщина

...Оленевод Бельдыев и думать не думал, что я появлюсь в этом затерянном раю, а я знать не знала, что повстречаю на своем болотистом пути Бельдыева. Но мир тесен! И мир этот не где—нибудь на Чукотке, а тут, у нас, прямо под боком, милая сердцу зеленая ненетчина...

Тиман – очень странное место. Его часто сравнивают с оазисом среди пустыни, а я считаю, что Бог когда—то обронил в тундру алмаз... Нес он его явно в другое место, да плюнул: лень нагибаться! – так все и оставил. В маленьком скучном поселке Индига, куда меня доставил вертолет из Нарьян—Мара, я позавтракала и пообщалась с начальством. На катере меня отвезли до Выучейского, и вот, наконец, я осталась одна... Вообще—то, по договору, до ближайшего кораля меня должен был доставить вездеход, но водила неожиданно запил вмертвую.

Шагаю я медленно, ощупывая палкой путь. Рюкзак прижал крылья к спине, а тяжелый августовский туман над болотами сильно сократил обзор. Мошка отскакивает, едва подлетев – лицо жирно смазано антигнусным молочком, губы перекатывают вялую травинку, и горечь химии иногда попадает в рот. Тогда я громко ругаюсь и сплевываю, как мексиканский мачо, увидевший соперника... Но здесь никого нет. Узкая тропа, протоптанная местными рыбаками, бодро вьется вдоль реки, уводя меня на юг, к Тиманскому Камню, туда, где поют варакушки...

Дикая спокойная Индига кишит краснорыбьем, но мне совсем не до вкусовостей – работа, короткие сроки. Всего две недели на то, чтобы понять, насколько широко в этой части Мало-земелья расплодился волки. Точно выяснить их численность невозможно, узнать хотя бы нынешний ареал – по байкам местных, по следам на водопоях, по вечерним наблюдениям в здоровенный бинокль.

...Задумавшись, я проморгала тропу. В какой-то момент ее затоптали и размесили многочисленные следы кочующих оленей, и куда теперь идти? Река осталась слева, она теперь не ориентир. А до заката надо успеть добраться хоть до какого—нибудь жилья, потому что палатки и спальника у меня с собой нет; лишний вес. Незаметно подкатился вечер, похолодало, и подумалось: а неплохо бы уже у костерка посидеть... С кружкой чаю... Я развернула карту, посмотрела на компас – кораль должен быть прямо по курсу, еще часа два ходу. Там, наверное, уже варят суп... Вперед!

Стало почти совсем темно, насколько это возможно на 67-ой широте, когда за спиной послышались бубенчики. Я с надеждой оглянулась: четыре оленя бойко несли по кочкарнику деревянные санки, на ящике восседал мужичок, вопя во всю глотку ненецкую песню. Олени, не нуждаясь в погонялове, весело пронесли мимо, и не цугом, как я ожидала, а веером, словно кони с Большого театра. Сани почти поравнялись со мной, но мужик даже не остановился.

«Стооо—ой!!!» – заорала я.

Каков мерзавец!... Даже не оглянулся! Чтоб те провалиться...

Уныло бредя в темноте, я догадалась, что оленевод пьян. Мудрено было ему увидеть одинокую белую женщину в сумеречном тумане. А может, он – косые глаза – решил, что это браконьер. Вообще, странно, у них ведь сухой закон на выпасе. Ну, да ладно...

Через полчаса хода я, к своему великому изумлению, догнала ненца. Двое левых олешек провалились в болотину, а правые не сумели их выдернуть сходу. Сани боком ушли в жижу, и возле них с руганью метался разом протрезвевший оленевод Бельдыев. Он то хватался за увязший полоз, то за крайнего оленя, пытаясь вытащить бедное животное. Олень был некрупный, но оленевод еще мельче, и ни черта у них, понятно, не получалось. Ящик с невредомым драгоценным грузом уже почти ушел в болото. Пришлось отложить рюкзак, засучить рукава и взяться за дело...

Через двадцать минут я выдернула все это хозяйство. К счастью, ни один из оленей не повредил ног, и можно было двигаться дальше. Бельдыев ходил кругами, совершенно счастливый:

– Вот баба! Ай, какая баба! – весело приговаривал он, поглядывая на меня снизу вверх, – садись, баба, подвезу. Скоро дом. Гулять будем!

Я не стала ждать повторного приглашения, взгромоздилась на мешки и тут же задремала сидя, как сова на жердочке – вроде спит, но и не падает...

Очнулась я от веселого многоголосья и запаха дыма: вместо долгожданного чума в долине оказался целый поселок – несколько натуральных вигвамов из шкур, костры, говор, смех... Двое молодых людей, раскосо поглядывая на меня, принялись отстегивать упряжь. Тут же в темноте завалили арканом оленя и долго топтали его сапогами. Я осторожно подошла поближе:

– Отбиваете, что ли?...

– Водянка. Большой олень, выбивать надо. Видишь, брюхо опухло?

– Ага... – ответила я, с подозрением глядя на вздутую тушу, из которой сочилась какая-то мокрота. – Будем его есть?

– Вкусный, хороший олень! Для гостей берегли, однако.

– Бляха—муха...

От сырца я отказалась, с ужасом наблюдая, как отпрыски Василия Ивановича с вурдалачьими харями чавкают кровавой печенью. Через час мы сидели у общего костра, сыто порывивая вареной олениной и попивая чаек с молоком. Меня церемонно познакомили с населением стойбища. Главе рода была подарена пачка хорошего английского чая и бутылка «Флагмана». Но пить с ним я отказалась, чем ужасно разобидела старика:

– Я в поле не пью. Вообще. Что—то вы разгулялись не на шутку. Разве можно сейчас?

– Можно. Смена едет!

– Какая смена, когда водила в запое?

– Трактор завтра придет, однако...

– Откуда вы знаете?

– Радио! – оленивод гордо показывает мне черную коробуху радиации, перевязанную изолентой.

Понятно. Мне про трактор ничего не сказали, троглодиты. Ну, ничего, зато прогулялась...

– Выпей, Наталья Захаровна, не обижай! Или не угодил чем?

– Все хорошо.

– Странная баба. Оленей вытащила, а водку не хочет!

– Чаю еще хочу.

Семейство Бельдыевых в полном составе: сам, жена, двое сыновей, дочка, да еще сезонный помощник – сели в кружок, как индейцы, и неторопливо закурили. Да, что-то в них было от тунгусов, пришедших на север с востока. А тунгусы, известно, имеют одни корни с индейцами.

Хозяин с почетом передал мне трубку, я вежливо отказалась. В молодости еще можно подцепить сифилис через общий стакан, но сейчас—то уже мозги есть!

Да и не курю я...

– Захаровна, шкуру возьмешь? В подарок.

– Тяжелые они, эти шкуры, и воню... в смысле, зачем мне? Я дома на диване сплю, под одеялом.

– Бери рога! Красиво!

– Не надо, дома от них уже деваться некуда.

Бельдыев задумался, потом отцепил от пояса нож и протянул его мне:

– Нож бери. Хороший нож! Отец сам делал. Ручка – моржовая кость. Такой нигде не купишь!

Вместо ответа я задираю штормовку и вытаскиваю свое единственное оружие:

– Во!

– Ай... Твой лучше... – почти сердито говорит оленевод, разглядывая мою знаменитую финку.

– Это тоже от отца.

Василий хмуро запикивает любимый мясорез обратно в ножны:

– Захаровна, так нельзя. Все скажут – я неблагодарный! Тогда оленя тебе дарю. Забирай любого!

– Спасибо, конечно... Но куда мне целый олень? В рюкзак не засунешь, и верхом не поедешь. Оставьте себе.

– Плохо...

– Что плохо?... – я согрелась, клюю носом и уже плохо соображаю.

– Кольцо не носишь? – спрашивает вдруг Бельдыев с хитрым прищуром.

– Кольцо?..

Гляжу свои грязные, в царапинках, пальцы – колец там, понятно, никаких нет.

– Ты ведь замужем?

– Не—а. Пять лет как развелась.

– Э-э! Такая молодая баба – не замужем?! – растерялся оленевод. Помолчав, он поцокал языком:

– Ай—ай. Нехорошо это, без мужа.

Василий долго и вдумчиво курит, глядя на бледный огонь костра, а я лениво размышляю: сорок лет – это уже старость, или все же еще молодость?... Наконец, не придя ни какому соглашению, осмеливаюсь нарушить северную тишину:

– А как у вас тут с волками?...

...Напившись чаю и вдоволь потрындевав про хищников, я ускользнула спать в гостевой чум, в котором, к счастью, никого не было, и тут же заснула, как убитая. Снились мне останцы, агаты, райские кущи Тимана, хариусовые озера и роднички, бьющие прямо из песка...

Проснулась я от быстрого нерусского говорка за шкурами. Пока тужилась понять, что происходит, полог отогнулся и в полутьме появилась какая—то фигура. Я в ужасе подскочила и зажгла фонарь, направив его прямо на пришельца. Пришельцев оказалось трое. Бельдыев широко улыбался кривыми зубами:

– Я сам старый. Это сыновья мои, Семен и Уман. Красавцы. Выбери любого! Или лучше обоих бери. С такой большой бабой одному не справиться!

И то правда. Рост у меня сто восемьдесят пять, а вес под сто килограмм. Я в молодые годы в баскетбол играла в университете, центровая, противниц просто сшибала на бегу. У меня и прозвище было – Атомная Война.

Красавцы скромно переминаются, вытирают сальным рукавом волнение, и пахнет от них заколдобистой тундрой. У меня ежик в горле застрял от благодарности, но в полутьме шатра этого не видно:

– Знаете, Василий Иванович, я это... того... ну, это... ммм... У меня, знаете, голова болит...

– Сейчас все боли как рукой снимет! – лыбится оленевод и подмигивает мне узким глазом. Семен и Уман в возбуждении приплясывают и согласно кивают лохматыми головами – ща мы тебя вылечим. Виданное ли дело – без мужика жить!

Братья – близнецы, оба совершенно одинаковые, ладные такие, пялятся на меня, не моргая, как две лягушки на змею – безнадежно и зачарованно.

– Тебе что, соколы мои не по нраву? – занервничал Бельдыев и грозно уставился мне в лицо.

– Ну, как бы вам сказать, Василий Иванович... Отличные парни... Но, видите ли... Мне... больше нравятся женщины.

Повисла тяжелая минута молчания. Мужики, смущенно потоптавшись, ушли, и я со вздохом откинулась на шкуру, но заснуть уже не могла. Долго слышно было, как они у костра препираются о чем—то, на своем языке.

Минут через двадцать Бельдыев явился снова. Но не один...

– Я твой должник сегодня. Ты гость. Это дочь моя, Рыжая Лиса. Не побрезгуй, Захаровна. Лучшее отдаю, однако!

Девочке лет пятнадцать, волосы заплетены в кучу мелких косичек, перетянуты ярким шнуром, а в диких коричневых глазах страх, смешанный с любопытством. Что—то в ней такое есть, но она этого еще не понимает. Она действительно красивая, и совсем не рыжая, хотя на лису однозначно похожа.

Вот досада...

Чувствую, что у меня и впрямь заболела голова:

– Видите ли, Василий... Иванович... Я это...

– Что, и дочь моя тебе не по нутру?! – офигевает Бельдыев.

– Понимаете... Блондинок я люблю. Высоких... Вот таких! – показываю рукой, что ростом примерно с меня. – Толстых. С умными голубыми глазами. Ясно?...

Оленевод понял, о чем речь, пригорюнился, дочь свою забрал и ушел. Блондинок в стойбище нет. Слава тебе, Господи!... Еще немного поприслушивавшись, я засунула фонарик под свернутую куртку, выполняющую роль подушки, и погрузилась в беспокойный сон.

В итоге, измученная сложным днем, да еще постоянно просыпаясь в испуге, я продрыхла до двух часов дня. В лагере никого не было, все ушли со стадом. Оставшийся моросливый день я бродила неподалеку от кораля, высматривала следы, изучала обстановку. Набрала подосиновиков на суп.

К вечеру дождь перешел в ливень и прогнал меня с полей окончательно. Спать легла рано, но не успела прокемарить и часа, как разбудил громкий голос Бельдыева... Полог вдругорядь откинулся, и на пороге чума появилась... высокая блондинка с водянистым, слегка нетрезвым взглядом. Увидев меня, она потеряла дар речи; за ней мелькала радостная рожа Бельдыева:

– Просыпайся! Трактор приехал, однако! Я вчера по рации женщину успел достать. Оленя за нее отдал!

– Какую еще женщину?... – чувствую, как у меня холодок поднимается по позвоночнику.

– Это Катька, – поясняет оленевод, – в поселке на почте работает. Муж рыбак, в море прошлой осенью утонул... Какая баба, а? Подходит? Ну?!...

– Вполне! – говорю и выпихиваю его из чума.

– Тьфу, пропасть... Ну, чего уже теперь. Нам все едино... – говорит вдруг эта радистка Кэт, и начинает раздеваться. – Только давай по—быстрому! Трактор уезжает обратно с утрава, а я бы еще поспала.

– Ну, так и спи! – ржу я.

– Спи?...

– Тут как в царском будуаре. Дымом, правда, воняет, это я на ночь комарье травила.

– Господи! – радостно вопит она и бросается ко мне обниматься, – Наконец—то я выплусь, хоть раз в жизни!!!... Наврал Бельдыев, черт узкоглазый. Сказал, мужик из Москвы,

ученый, интеллигент, типа... Я и рискнула. А как тебя увидела, мне аж поплохело... а потом подумала – а почему бы и нет?... Что я в жизни видела?!

– Действительно...

– Спать, спать... Знаешь, я ведь каждый день в полседьмого встаю. Почта с восьми, пока печку разогреешь, завтрак приготовишь, то да се, а до нее еще идти...

– А в выходные?

– А в выходные, – говорит она, туго заворачиваясь в суконное одеяло, – все то же самое. Мелкий ночью часто просыпается... У меня ведь их трое! Да еще две овцы, гуси. Всю эту ораву кормить—поить, обихаживать надо. Мой—то сгинул, а как теперь жить? Зарплата крошечная – вот и вертись, как хочешь. Огород все уже, накрылся, заморозки скоро... Да и то лишь картоха приживается!

– Н—да... Детям нужен кормилец. Или на голубоглазых блондинок на севере нынче спросу нет?

– Спрос—то в поселке есть... Мужики местные под бочок все норовят залезть, да замуж пока никто не зовет. Только с бутылками и приходят, паразиты. А тут целый олень! Я строга-нины наморожу, до зимы с голодухи не попрем...

– Супер! Ну, добрых снов. – я сладко зеваю, предвкушая спокойную ночь.

– И тебе... ой, знаешь... я ведь уж и не помню, когда последний раз высыпалась... Наверное, никогда. Анатолий мой, когда жив был, храпел, как лодочный мотор.

Прошептав это, женщина тут же вырубилась, будто тридцать три года не спала. За ней провалилась в сон и я, точно зная, что в чум больше никто не полезет...

Утром, потягиваясь, я вылезла на провода. Было солнечно и славно. Тракторист лениво копался в движке; видно, что пьян, но не мертвецки, так что все в порядке. Все семейство дружно увязывало тюки. Катерина с одним из братьев разделявала тушу. Мне было радостно оттого, что сегодня по прогнозам с метеостанции тепло и не будет дождя, а ей – что впервые в жизни отоспалась, да еще целого оленя подарили.

Глядя на наши с ней счастливые лица, хитро улыбался и Бельдыев.

«Странные они, эти бабы, однако...» – думал старый оленевод, набивая любимую трубку.

«Ну ни фиги себе денек... Вот подфартило... Жизнь – лотерея!» – думала Екатерина Андреевна, с любовью заворачивая куски парной оленины в рогожу.

«Как хорошо просыпаться без похмелья! – думала я. – Надо бы договориться с новым хозяином, чтоб подвез на упряжке до охотничьей избы на Каменном, или хотя бы до Богатинских сопок, а дальше я сама...»

Для сменщиков у меня остался чай и блок сигарет.

...Я долго смотрела вслед гусеничному трактору, который тяжело тащил за собой волокушу из бревен, нагруженную скарбом и людьми, махала рукой до одеревенения, а затем пошла в чум собираться – меня ждет Тиман.

2004 г.

Куда уехал цирк

...Что вы сказали? Корица? Да вы проходите, сейчас поищу... Нет—нет, что вы, удобно! Я уже давно живу одна. А вы замужем? Представляю... Сегодня холод просто собачий, ночью обещали заморозки. Вы тоже слышали? Ну вот, что я говорила! Уже тринадцатое октября, а эти сволочи еще не топят. Пойдемте на кухню, там теплее. Вот все кругом возмущаются – куда подевалась любовь? Почему стихи стали так убоги, а рассказы безмозглы? Потому что холодно, как в морге. Присаживайтесь поближе к плите, я зажгу газ. Еще хорошо, что у меня не электрическая плита, иначе денег не напасешься... А у вас какая? Представляю... Вы не спешите? Я вам сейчас расскажу одну маленькую историю о двух женщинах. Не хотите ли немного клюквенной настойки? Сама делала. В такую погоду – самое оно! Где эта чертова корица? Вот вам плед, ноги должны быть в тепле. Горячее сердце и холодные ноги – это не для женщин, для здоровья как раз полезнее наоборот. Да вы не волнуйтесь, это ненадолго. Как раз, пока варится рыба...

...Представьте себе старый, утыканный липами двор, сломанные качели, тощую собаку в боязливой трусце, кое—где зажглись ранние окна... Представьте зябкое, темно—рыжее октябрьское утро. Брр—р... Представили?

Пустынная улица. Хлопнула одиноко дверь парадной, и стало видно, как быстро удаляется от дома худая женская фигура в длинном плаще. Кого—то еще оставила любовь. Думаете, я хочу вам рассказать очередную пикантную интрижку? Ничего подобного!

Итак, под фонарем она остановилась на минутку, вытащила из маленькой джинсовой сумочки зеркало, поправила волосы, провела помадой по губам... И заспешила дальше, куда—то в переулок, но вполне целеустремленно. Неожиданно сзади послышался стук каблуков: таинственную женщину спешно догоняла другая, таща подмышкой нечто, тихо плачущее в такт ее быстрым шагам.

– Пойдите же!...

Любовь недружелюбно оглянулась, но остановилась. Лицо ее было бледно—прозрачным, как алебастр, капризные губы плотно сжаты, влажные глаза прикрыты длинными ресницами; в общем, красавица в состоянии хандры. Она нетерпеливо ждала, вытащив тонкую сигарету и поглядывая на приближающуюся незнакомку.

Видно было, как тяжело дышит Муза: брюнетка бальзаковского возраста, пальцы в дорогих перстнях, холеная, лицо красивое, но задницу отъела, на насиженном—то месте... Шутка ли – семь с половиной лет взаимности, и вот плановый кризис, скандал и развод.

– Что вам угодно? – довольно холодно спросила Любовь, с легким презрением оглядывая немного вульгарную попутчицу.

– Ну... – Муза уныло звякнула лирой и перехватила ее поудобнее. – Знаете, я обречена, когда уходит Любовь... Мне некуда сейчас идти. Можно мне с вами?

Да, надо сказать, что Муза – большая конъюнктурщица, обычно куда Любовь, туда и она. Не потому ли всякий обыватель превращается в поэта, с азартом воспевая очередную возлюбленную? В общем—то, слова обычно одни и те же, просто их переставляют местами и меняют имя объекта. Как это я не права? А вы попробуйте, докажите обратное! Раньше? Я уверена, что раньше она всегда уходила первой, в заранее подготовленное место, но сегодня эта схема не сработала. Любовь ушла слишком быстро и бесповоротно, и дама с лирой не успела сориентироваться.

– ...Хотите сигарету?

Муза, постоянно обкуриваемая творцами нетленок, сама ни анаши, ни сигарет в рот не брала, но любила поматериться и побогемничать, хотя и не чужда была хороших манер порою – сказывалось воспитание до пяти лет. В общем, его вполне хватало для посещения салонов.

Она покачала головой и уставилась с материнским почти сожалением на покинутый дом – вот, привыкла сдуру к семейному покою, и знала наперечет все мелодии, окрылявшие лысую бошку поэта. За несколько лет вдвоем они настрогали два тома стихов, один из которых был даже отмечен солидной премией на каком–то литконкурсе, и уже приступили к третьему... Все было так хорошо!

Муза размазала слезу по щеке, вспоминая добротную обстановку квартиры, бар в гостиной, вполне интеллигентную жену—стоматолога и элитные тусовки...

Тем временем к двери парадной неторопливо подошла Надежда, высокая дородная дама в выдавшей виды жилетке, с бездонной грудью, гипнотическим голосом и печальными глазами. Она безнадежно махнула Музе рукой, злобно окинула взглядом Любовь и скрылась в подъезде, неся в руках большую хозяйственную сумку с выпивкой и продуктами; надо было как—то поддержать оставленного без присмотра мужчину, неплохого, в общем—то, лирика творческих кровей. Через пару лет Надежда оставит его, и тогда он обратится к Вере, но это будет уже другая история...

Вам интересно? Извините, мне показалось – вы задремали. Отлично, тогда слушайте дальше.

Две женщины стояли на пустой улице, и зрелище это было завораживающим.

– Что с ним теперь будет? – спросила Муза, взволнованно глядя на спящий дом. В квартире поэта горел свет – видимо, там уже вовсю хозяйничала Надежда.

– Оставайся – узнаешь, – равнодушно ответила Любовь.

– Проклятье! – вскричала Муза и вцепилась коготками себе в парик – а это был именно он, ведь не может быть у женщины в ее возрасте таких шикарных волос!

Да, ей было, с чего волноваться: всякий человек, испытывающий боль, спешит поделиться своим бесценным грузом с другими. Он будет писать стихи, от которых захочется умереть, выплескивать свои больные переживания, как ведро с помоями, на головы всеядных поклонников. Ах, как это красиво! В этом ли смысл поэзии? Как вы считаете?...

Муза тоскливо уставилась на свой инструмент.

– Нет, я категорически больше в этом не участвую. Я березовая русская муза, хочу быть несущей радость и петь о любви. В общем, я иду с тобой.

– Мы уже на «ты»? – удивилась Любовь. – Ладно, пусть будет так. Я и сама убегаю, когда мне становится безрадостно. В конце концов, в мире полно других женщин, которые смогут утешить небедного поэта...

Холодное октябрьское солнце лениво поднималось над городом, зашелестели первые шины по падшим листьям, на улицах еще лежал густой туман, словно кто—то с небес пролил свой утренний кефир. Они шли вместе – не подруги, просто одна не могла без другой, так уж сложилось.

Любовь бодро держала путь к дому, уже известному ей. Муза семенила за спутницей, едва поспевая. Еще бы – Любовь была вечно молодой и редко уставала от физических нагрузок, Муза же, сколько себя помнила, всегда была дамой зрелой и бегать особо не любила. Ах, как хорошо угнездиться где—нибудь надолго, опрокинуть рюмочку—другую кофейного ликера у камина и ослабить узду фантазии, этой огненной кобыле с выпученными глазами...

...Идти пришлось около часа, плутая по кривым московским переулкам. Одышка скривила приятное, чуть полноватое лицо женщины, тонкий чувствительный нос стал красным

от октября, кудреватый парик разметался черным пожаром, длинные легкие одежды совсем не грели, хотя стало чуть теплее, и туман немного развеялся, когда они дошли до места. Но Муза была южных кровей, всегда отчаянно мерзла и нуждалась в комфорте. В отличие от Любви, которая могла прожить в любых спартанских условиях.

Наконец, Любовь остановилась у подъезда уродливой многоэтажки, внимательно вглядываясь в окна. Ибо было сказано – пусть Любовь поселится в этом доме! Но не сказано, в какой квартире. Пришлось прибегнуть к старому испытанному способу:

– Назови любую цифру от одного до трехсот! – попросила она.

Все жильцы беспокойно заворочались, затрепыхались в своих мятых постелях, застигнутые непонятым ожиданием...

Муза ляпнула какую-то цифру, все еще скорбя о брошенной обители, и Любовь стала терзать кнопки домофона. Обе изрядно замотались, мечтая об отдыхе. Железная дверь открылась почти тотчас, даже не спросили «кто?», потому что нет, и не было силы сопротивления пришедшей гостье. Они поднялись на лифте; на площадке уже ждал зомбированный мужичонка в майке и домашних трениках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.